

Она всё больше ощущала пустоту во рту и сухость в животе, а те несколько пёстрых кур выглядели всё привлекательнее. Не раздумывая, она махнула рукой — и три курицы исчезли, оставив после себя лишь кучу перьев.

Будучи настоящей культиваторшей, она, конечно же, была куда искуснее обычных воров. Когда она забрала кур, те даже не успели издать ни звука, а спящий хозяин дома, естественно, ничего не заметил.

Чжун Минчжу с улыбкой начала:

— Учитель, мы...

Она хотела предложить сменить место, но, обернувшись, встретила взгляд тех спокойных чёрных глаз.

Чан Ли смотрела на неё, словно всё ещё ожидая продолжения после слова «мы». В обычное время та бы просто улыбнулась и прошла мимо, но сейчас, зная, что учитель ждёт момента, чтобы призвать её к ответу за предыдущие проступки, она почувствовала себя неловко.

Расставаться с уже добытыми курами ей, конечно, не хотелось. После всех событий — начиная с Байли Нинцин и заканчивая Жо Е, одно сложнее другого, — она ни разу не могла нормально отдохнуть. Да ещё и пережила тот странный иллюзорный сон. Она не собиралась питаться ветром и росой.

Что касается того, почему она не пошла в обычный ресторан для смертных, причина была проста. Когда она вела Жо Е к Байли Нинцин, они зашли в самый большой ресторан в уезде Цинъян, и еда там оказалась далеко не такой вкусной, как та, что она готовила сама. Поэтому она даже не рассматривала этот вариант.

Осторожно взглянув на выражение лица Чан Ли, она вспомнила о тех правилах, которые запрещали беспокоить смертных, и подумала, что учитель, возможно, сейчас об этом заговорит. Сделав неуверенную улыбку, она сама себе сказала:

— Кашель... Брат без спроса — это воровство. В правилах секты Тяньи сказано, что ученики не должны нарушать покой смертных, но не сказано, что нельзя купить.

Чан Ли не проронила ни слова, а она сама долго оправдывалась перед собой, после чего подбросила оставшуюся половину золотого слитка, который она ранее обманом получила, в руку охотника, приговаривая:

— Теперь всё в порядке, всё в порядке.

Сказав это, она тут же умчалась прочь.

Охотник всё ещё спал, и неизвестно, как он отреагирует, когда проснётся.

Чжун Минчжу нашла тихое место у воды за лесом и, увидев, что Чан Ли последовала за ней, не сказав ни слова, предложила:

— Когда будем есть, я всё подробно расскажу, хорошо?

— Хорошо, — согласилась Чан Ли и отошла в сторону, чтобы начать медитацию.

Чжун Минчжу наконец вздохнула с облегчением.

Эх, не справиться, не справиться, приходится подстраиваться под других, — пробормотала она, качая головой, и начала готовить кур.

У подножия горы в пруду были лotosовые листья, а в лесу — дикие грибы. Ощипав кур, выпотрошив и промыв их, она начинила их грибами и специями, смазала снаружи приправами, завернула в лotosовые листья и закопала в яму, разведя сверху костёр. Внутренности она нанизала на палочки, замариновала и поджарила на огне.

Эти куры, выращенные местным жителем, не были такими мясистыми, как горные куры с Пика Тяньтай, поэтому она использовала сильный огонь, и они быстро приготoвились.

Когда время подошло, она выкопала листья, развернула их, и аромат разнёсся вокруг. Растопившийся жир покрывал поверхность, и куры сияли золотом, вызывая аппетит.

Она также достала оставшиеся с прошлого раза засахаренные духовные фрукты, положила половину курицы и немного фруктов на тарелку и протянула Чан Ли, после чего с нетерпением схватила куриную ножку и собралась укусить.

Но вместо этого она укусила воздух. Она посмотрела на свою внезапно пустую руку с недоумением.

— Эх, я умираю от голода.

Знакомый голос донёсся до её ушей, и она повернулась к источнику звука. Яркий, насыщенный цвет мелькнул перед глазами.

Женщина в красном, прислонившись к каменной стене, удобно устроилась, закинув одну ногу на другую, держа в руках лotosовый лист с половиной курицы, от которой уже был откушен большой кусок.

Этот яркий, как павлин, красный наряд, эта бесцеремонная и беззаботная манера поведения, а также эта наглая привычка брать чужое без спроса...

Разве это не Байли Нинцин?

— Почему ты везде преследуешь меня! — Увидев, как украденная курица исчезает у неё из рта, Чжун Минчжу пришла в ярость и тут же выпалила ругательство.

Но её тело в полной мере продемонстрировало мудрость пословицы «Умный уступает», быстро спрятавшись за спину Чан Ли и лишь высунув половину головы, чтобы скривить зубы в сторону Байли Нинцин.

Ещё до того как еду Чжун Минчжу украли, Чан Ли почувствовала приближение незваного гостя и уже держала меч в руке. В мгновение ока невидимая ци меча покрыла инеем окружающие растения.

Байли Нинцин, однако, словно вовсе не замечала их напряжённой позы, продолжая с упоением есть, быстро уничтожив большую часть курицы в лotosовом листе, после чего с облегчением вздохнула и лишь затем подняла глаза, чтобы бросить взгляд на Чжун Минчжу и Чан Ли. Её алые губы изогнулись в лёгкой улыбке.

Увидев эту улыбку, Чжун Минчжу ещё больше спряталась за спину Чан Ли, на этот раз полностью исчезнув из виду. Она была чуть ниже Чан Ли, и, поджав шею, могла спрятаться

так, чтобы не было видно даже уголка одежды. Тем не менее она услышала, как Байли Нинцин спросила, словно в разговоре:

— Маленькая Чан Ли, ты не будешь есть эту тарелку?

Оказывается, она всё ещё имеет виды на курицу. Эта женщина уже украла половину, а теперь хочет и вторую.

И ещё «маленькая Чан Ли»... Разве мой учитель с тобой так близок?

— Конечно, буду есть! — Видя, что Чан Ли молчит, она поняла, что учитель, как обычно, не знает, как реагировать, и просто молчит.

Поэтому Чжун Минчжу тут же приняла решение за неё, схватила тарелку, оторвала кусок курицы и сунула его в рот, слегка фыркнув.

— Эх, жаль, жаль, — Байли Нинцин не стала отбирать еду, а лишь с сожалением вздохнула. — Я хотела сказать, что было бы неплохо ещё и выпить.

Затем Чжун Минчжу услышала, как бутылка легонько стукнулась о землю, пробка была сбита, и густой аромат вина заполнил воздух, проникнув ей в нос, заставив снова осторожно выглянуть из-за плеча Чан Ли.

Бутылка была примерно на один доу, рядом с ней стояли три чашки, две из которых были рядом с бутылкой, а третья — в руках Байли Нинцин. Прозрачная жидкость отражала лунный свет, словно впитав в себя лучи луны.

Духовное вино, которое Е Чэньчжоу подавал на банкете для секты Тяньи, могло увеличить духовную силу на десяток лет и уже считалось редкой драгоценностью для обычных сект. Но бутылка Байли Нинцин была ещё лучше. С уровнем культуры Чжун Минчжу она не могла определить, сколько духовной силы в ней было заключено. Если бы её выставили на аукцион, цена, вероятно, была бы не меньше, чем у Мази Пурпурных Облаков.

Самое удивительное, что в мире культивации все стремились только к духовной силе, и даже духовное вино на банкетах было безвкусным, как вода. Но вино Байли Нинцин было подобно тому прекрасному вину, о котором говорили в народе: «Аромат вина не боится глубины переулка». Даже издали Чжун Минчжу могла почувствовать его насыщенный аромат.

Ах, вино, вкусная еда — разве это не то, что она видела в иллюзорном сне?

Жаль только, что на пути стоит этот старый демон, — с грустью подумала она.

Хотя на столе стояли три чашки, кто знает, какие козни задумал этот старый демон.

— Ты ведь не из робких и не из скромных, почему же теперь так струсилась? — Байли Нинцин, выпив чашку вина, увидела, как Чжун Минчжу, несмотря на своё желание, не отходит от спины Чан Ли, и насмешливо улыбнулась. — И ты думаешь, что, спрятавшись за спину учителя, ты в безопасности?

В прошлый раз я не знала, что ты старый демон... — Чжун Минчжу скривила губы, тихо бормоча.

Но прежде чем она успела ответить, тень мелькнула перед глазами. На месте, где только что

стояла Байли Нинцин, остался лишь лёгкий след, и почти в тот же момент перед ней стало пусто. Чан Ли бросилась вперёд, как стрела, выпущенная из лука, её меч прочертил яркую дугу, переплетаясь с красным платьем.

По сравнению с прошлым разом, на этот раз всё выглядело как настоящая битва культиваторов. Чжун Минчжу даже не могла разглядеть размытые тени, чувствуя лишь движение духовной силы, вспышки холодного света, словно готовые разорвать всё вокруг. Она поспешно вызвала свиток Чжумин, чтобы защитить себя, и, не успев решить, в какую сторону бежать, услышала звук меча, возвращающегося в ножны. Их фигуры остановились, и битва уже закончилась.

Байли Нинцин стояла позади Чан Ли, левой рукой держа копьё, прижимая левое плечо Чан Ли и не давая ей пошевелиться, а правой рукой медленно вкладывая меч Фэньцзяо обратно в ножны. На её лице была лёгкая улыбка, и она выглядела очень расслабленной. В то время как Чан Ли, казалось, изо всех сил пыталась вырваться, её рука, держащая меч, была белой от напряжения, и на лбу выступила тонкая плёнка пота.

<http://bllate.org/book/16292/1468521>